

DOI: 10.17976/jpps/2023.06.03
EDN: VNBHYO

МЕХАНИЗМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ, ЗАКОНОМЕРНАЯ ТУРБУЛЕНТНОСТЬ В ЭПОХУ МОДЕРНИЗАЦИИ И РОЛЬ ОРГАНИЗОВАННОГО НАСИЛИЯ

Н.С. Розов

РОЗОВ Николай Сергеевич, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН; профессор кафедры международных отношений и регионоведения, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, email: nrozov@gmail.com

Розов Н.С. 2023. Механизмы политической эволюции, закономерная турбулентность в эпоху модернизации и роль организованного насилия. *Полис. Политические исследования*. № 6. С. 21–36. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.06.03>. EDN: VNBHYO

Статья поступила в редакцию: 24.05.2023. Принята к публикации: 23.08.2023

Аннотация. Политическая эволюция включает переходы обществ, как правило, необратимые, к фазам развития с более эффективными порядками социального взаимодействия в сферах власти, могущества, престижа. Эти порядки позволяют обществу доминировать над соперничающими представителями предшествующих фаз развития и/или служить им примерами для подражания. Таковы были переходы от бродячих групп охотников-собирателей к варварским вождествам (чифдомам), далее – к ранним государствам, зрелым государствам (империям, абсолютистским монархиям) и различным типам современных (модерных) обществ со сквозной государственностью, среди которых происходят как подъемы на новые ступени, так и провалы к предшествующим фазам развития. Представлен способ интеграции известных и отчасти модифицированных концептов политических наук, макро-, мезо- и микросоциологии, теории эволюции и социальной психологии: фигурации (Н. Элиас) как сочетания социального порядка (Д. Норт и др.) с ментальным и техноприродным порядками; отношения, институты и организации (К. Маркс, Р. Мертон, Г. Саймон и др.); источники власти как социальные универсалии (М. Вебер, М. Манн); вызовы и ответы (А. Тойнби); заботы, обеспечивающие структуры, издержки и напряжения (А. Стинчкомб); динамические стратегии и комплексы стратегий (Гр. Снукс); положительная обратная связь в эволюции (Р. Александер, К. Стрингер, А.В. Коротаев); социализация и инкультурация (М. Херсковиц и др.); установки и габитусы (У. Томас, Ф. Знанецкий, Дм. Узнадзе, П. Бурдьё); ритуалы и символы (Э. Дюркгейм, У. Уорнер, И. Гофман, Р. Коллинз). Намечен общий механизм коэволюции порядков. Определена закономерность регулярного возникновения периодов турбулентности (с международными войнами и волнами революций) в эпоху модернизации. Показана ключевая роль структур организованного насилия при выборе вектора посткризисного развития, в том числе в переходах на новую фазу политической эволюции.

Ключевые слова: политическая эволюция, социальный порядок, ментальный порядок, коэволюция порядков, порядки открытого доступа, вызовы-ответы, динамические стратегии, организованное насилие, силовые структуры, войны, революции, социально-политическая турбулентность.

В политических науках, макросоциологии и смежных дисциплинах накоплен солидный арсенал конструктивных понятий. Принадлежащие разным

парадигмам концепты и схемы могут казаться несовместимыми, однако при некоторой модификации они не только сочетаются друг с другом, но и открывают новые объяснительные возможности. Высокий уровень абстракции предлагаемых конструкций и схем необходим для их применимости в анализе политических трансформаций, как происходивших в далеком прошлом, так и происходящих в крайне разнородных современных контекстах.

СТАБИЛЬНЫЕ ФИГУРАЦИИ КАК СОЧЕТАНИЯ ТРЕХ ПОРЯДКОВ

Изменения в истории идут постоянно. Тем не менее целесообразно выделять относительно стабильные периоды, которые назовем *фигурациями* [Элиас 2001] и определим как сбалансированную взаимосвязь трех порядков: социального, ментального и техноприродного. Каждый порядок включает *режимы* как комплексы устойчивых структур и рутинных повторяющихся процессов, а также *типовые ответы на стандартные вызовы*, позволяющие возвращать нормальный ход процессов.

Каждый *социальный порядок* включает *институты* с правилами, типами организаций, позициями, доступом к ресурсам, *отношения*, а также *процессы взаимодействия* между индивидами, группами, занимающими эти институциональные и организационные позиции (ср.: [Норт, Уоллес, Вайнгаст 2011]). Будем учитывать *четыре веберианские сферы* социальных взаимодействий: политика/власть, экономика/собственность, насилие/могущество/безопасность, статус/престиж/легитимность [Манн 2018]. Важнейшей характеристикой каждого типа социальных порядков является небольшой набор *политических отношений*, в том числе патримониальных, диктаторских, договорных (вертикальных патрон-клиентских или горизонтальных партнерских), бюрократических, публичных, конкурентных [Коллинз 2015; Розов 2015].

Каждый *ментальный порядок* (соединяющий психическое и культурное, близко ко *второму* и *третьему* мирам по К. Попперу) включает *габитусы* (П. Бурдьё) как комплексы *установок, способностей* индивидов и групп (У. Томас, Ф. Знанецкий и др.) с воспринятыми *культурными образцами* [Кребер 2004] и *социальными ролями* [Мертон 2006]. Ментальный порядок также включает процессы: *интерактивные ритуалы* [Collins 2004] и аспекты практик, направленные на формирование, развитие этих установок и способностей. Те же веберианские сферы представлены здесь как установки, интериоризированные позиции и правила, а также формирующие и подкрепляющие их ритуальные действия, аспекты практик: отдача приказов и принятие отчетов, переговоры и сделки, угрозы, акты насилия, устрашения и принуждения, защита от них, выражения почтения, признания или наоборот – пренебрежения и презрения.

Типам *политических отношений* в социальном порядке соответствуют *габитусы* и *установки* политической культуры участников этих отношений как компоненты ментального порядка.

Каждый *техноприродный порядок* (аналог *первого* мира по К. Попперу) включает материальные структуры: тела людей, ландшафты, средства производства и разрушения (оружие), элементы рукотворного окружения – от одежды и жилищ до систем жизнеобеспечения, транспорта, связи. Здесь происходят демографические процессы, перемещения и трансформации материальных объектов в человеческих практиках. Материальные аспекты фигураций и переходов между ними всегда значимы, особенно в сферах экономики и насилия/безопасности.

Процессы, обычно вовлекающие элементы всех трех порядков, происходят через действия, практики, деятельность участников, т. е. человеческое поведение. Рутинные практики движутся *заботами*, охватывающими интересы, потребности, мотивы, цели, стремления¹.

В упрощенной модели будем учитывать только *базовые заботы* правителей, элит, социальных групп, соответствующие тем же вебериянским универсалиям:

1) сохранение или увеличение *власти, автономии* от внешнего принуждения;
2) сохранение или увеличение собственного *благополучия* (богатства, доходов, уровня и качества жизни);

3) сохранение или повышение уровня *могущества как способности применять насилие*, стремление к большей *безопасности* — защите от насилия;

4) сохранение или повышение *статуса* (престижа, легитимности, авторитета, репутации), что всегда связано с уровнем членства в референтных группах.

Предметы заботы трактуются как *гомеостатические переменные*, значения которых надо вернуть в приемлемые рамки [Stinchcombe 1987]. Для этого отчасти создаются, отчасти складываются *обеспечивающие структуры*: те самые практики, организации, институты (в социальном порядке) с материальными составляющими (в техноприродном порядке), адекватными габитусами, установками и способностями исполнителей (в ментальном порядке).

Среди важнейших процессов и практик ментальных порядков отметим *социализацию и инкультурацию* (М. Херскович и др.) — процессы по “форматированию” габитусов, установок, способностей молодежи, приезжих для их ментального приспособления к позициям в социальных порядках, к выполнению материальных практик в техноприродных порядках.

Воспитание, обучение, религиозное вовлечение, идеологическая индоктринация, информирование и пропаганда — все эти практики включают важнейший компонент *интерактивных ритуалов*, обеспечивающих вменение картин мира, символов, идентичностей, лояльностей и т.п. [Collins 2004]. В благополучных и устойчивых фигурациях эти ритуалы имеют *консервативный* характер, т.е. воспроизводят традиции во всех смыслах.

Активность любых обеспечивающих структур сопряжена с *издержками* (затратами, потерями, потенциалом ущерба и угроз), что ведет к *напряжениям* (факторам вреда для предметов заботы, снижающим значения гомеостатической переменной) [Stinchcombe 1987].

Достижение критического уровня напряжения становятся *вызовами-угрозами*, которые требуют *ответов* — действий, связанных с обеспечивающими структурами, чтобы вернуть *предмет заботы* (власть, доходы, могущество или престиж) в приемлемое состояние.

Каждая фигурация настолько стабильна, насколько соответствуют и “прилажены” друг к другу порядки, составляющие их структуры и процессы, на-

¹ Широко известны всевозможные абстрактные и безличные построения структуралистского и конструктивистского толка с “аутопоэзисом”, “сборками”, “ассамбляжами”, и т.п. (см., например, [Latouf 2005; Луман 2007], а также работы У. Матураны, Ф. Варелы, М. Деланды). Предлагаемый здесь подход коренным образом отличается от них, предполагая в качестве характеристик субъектов (индивидов, сообществ, организаций, государств) предложенную выше структуру как процессов и практик, так и движущих их забот (вместе с соответствующими институтами и практиками как обеспечивающими заботы структурами). Такой ориентированный на теоретическую и эмпирическую обоснованность подход отличается также от постмодернистских и антиисциентистских идей, например, “психоанализа” с понятиями “желающих машин”, “желающего производства” и т.п. [Делез, Гваттари 2010].

сколько успешно издержки компенсируются, насколько адекватные даются ответы, возвращающие параметры предметов забот к приемлемым значениям.

ФАЗЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ

В зависимости от “оптики” (различительной способности) в политической эволюции можно выделять от двух (например, “досовременные” и “современные-модерные”) до восьми-десяти и более ступеней [Кревельд, ван 2006; Дьяконов 2007; Гринин, Коротаев 2007; Лахман 2020]. Поскольку для выявления инвариантов требуются явные и яркие различия, последуем за классической традицией антропологии и исторической макросоциологии [Sanderson 1999; Карнейро 2006; Джонсон, Эрл 2017] и будем учитывать далее только следующие фазы политической эволюции:

а) “первобытные” *группы охотников-собирателей*, неолитические деревни земледельцев и скотоводов;

б) “варварские” *вождества* (чифдомы), в том числе номы, храмовые центры, мелкие полисы, племена номадов; иногда целесообразно выделять фазу *сложных чифдомов*, где наряду с вождями сообществ есть верховный вождь с особым авторитетом и полномочиями;

в) *ранние государства* (крупные полисы, королевства, княжества);

г) общества со *зрелой государственностью* (империи, мир-империи, лиги городов).

В продолжающуюся пять столетий эпоху модернизации наметились новые эволюционные ступени:

д) абсолютистские монархии как переходная форма;

е) современные общества со *сквозной государственностью* (где бюрократия добирается до каждого подданного или гражданина, прежде всего с фискальными и мобилизационными целями); эти общества располагаются на разных уровнях шкал авторитарности/демократичности, централизованности/разделенности власти;

ж) при этом по социальному, технологическому, экономическому развитию и привлекательности для миграций выделяются *консолидированные демократии, полиархии* [Даль 2010], с высоким уровнем коллегиального разделения власти [Коллинз 2015] и с *порядками открытого доступа* [Норт, Уоллес, Вайнгаст 2011].

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ОТВЕТЫ, КОМПЛЕКСЫ ДИНАМИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ И МЕГАТЕНДЕНЦИИ “ЛИФТ”

Различим *частные ответы* на вызовы – разовые конкретные коллективные действия, и *структурные ответы* – долгие процессы проб и ошибок, в результате которых складываются новые *обеспечивающие структуры*, более или менее отвечающие заботам, нейтрализующие *вызовы-угрозы* и достигающие привлекательных результатов при *вызовах-возможностях* (“соблазнах”) получить правителям и элитам больше власти, могущества, богатства, престижа).

Среди структурных ответов нас особенно интересуют *перспективные* – ведущие к появлению новых практик, отношений, типов организаций, институциональных правил, к сериям трансформаций во всех трех порядках в течение нескольких поколений, что в дальнейшем обеспечивает доминирование и лидерство среди других обществ. В чем же секрет таких ответов?

Во-первых, в новых складывающихся обеспечивающих структурах всегда “чего-то не хватает” — возникают систематические *дефициты*. Либо возникают сильные *издержки, препятствия*, которыми нельзя пренебречь, поскольку новые структуры настолько продуктивные, полезные, выгодные, что от них уже нельзя отказаться [Stinchcombe 1987]. Например, когда при переходе к варварству первые земледельцы получали урожай, им потребовались технологии хранения. Хранилища зерна и домашний скот сразу стали соблазном для набегов и грабежей.

Во-вторых, возникают новые (*производные*) заботы по преодолению возникших затруднений, а для выполнения этих забот уже есть наготове ингредиенты: образцы отношений и организаций, люди с нужными установками и способностями, материальные средства и условия. Эти производные структуры также рожают издержки, и цикл повторяется. Так, варварские номы, полисы, храмовые центры обзаводились стенами и вооруженными отрядами для защиты от набегов. Выросшая военная сила приводила к вызовам-возможностям — грабить соседей [Кревельд, ван 2006; Лахман 2020].

В-третьих, отдача от новых практик и структур (например, завоеваний, производственных технологий, образовательных систем) настолько велика, что позволяет проводить *экспансию вширь*, привлекать новый контингент, новые ресурсы, и/или вести *интенсификацию* (рост эффективности в тех же границах), делая более смелые и крупные *инвестиции*. Рост *отдачи* (по тем же универсалиям власти, могущества, богатства, престижа) нивелирует социальные напряжения и конфликты, вызывает общий энтузиазм, порождает новые вызовы-возможности. Происходит так называемый *социальный резонанс*. Такие черты характерны для периодов успешного территориального расширения, экономического, религиозного, культурного подъема на самых ранних стадиях политической эволюции [Snooks 1996; Мак-Нил 2008].

В-четвертых, полученные результаты в форме новых структур, прежде всего социальных организаций с ментально подготовленным контингентом и материальными средствами, становятся *плацдармами для дальнейшего продвижения* — создания подобных структур на новых местах, деления, развития, специализации структур и т.п. Для империй завоеванные провинции становятся плацдармами (в исходном военном смысле) для новых завоеваний. Монастыри — это всегда очаги для появления новых монастырей, школы — для новых школ, университеты — для новых университетов. Так образуются *динамические стратегии* [Snooks 1996]. Если же дефициты одного типа структур (например, не хватает инженеров, квалифицированных чиновников, грамотных рабочих) восполняются за счет развития другого типа структур (здесь — образовательных), то создаются устойчивые *комплексы динамических стратегий*.

В-пятых, тренды количественного роста и качественного развития аспектных переменных, обеспечивающих структур, результатов их действия замыкаются в *контуры положительных обратных связей* [Гринин, Коротаев 2007]. Такие системы обретают характер самовозрастания, поэтому названы *мега-тенденциями “Лифт”*.

Рост продолжается либо до истощения таких ресурсов, которые уже не восполнить, либо при возрастании таких издержек, которые уже не скомпенсировать. Тогда возникшие *сильные отрицательные связи в контуре прекращают*

общий рост, экспансия угасает, новые структуры не создаются, происходит упорядочение имеющихся, и получившаяся *новая фигурация стабилизируется*.

КОЭВОЛЮЦИЯ ТРЕХ ПОРЯДКОВ

Социальные структуры, ментальные установки и материальные объекты принадлежат разным онтологическим “мирам” (по К. Попперу), но происходящие в них существенные изменения настолько тесно взаимосвязаны, что во всех обществах согласованно изменяются все три порядка: социальный, ментальный и техноприродный. Коэволюция этих порядков в каждом отдельном обществе может происходить в разных направлениях, по векторам как деградации, так и распада. В дальнейшем же речь будет идти только о восходящем векторе к более эффективным структурам.

Вызовы-угрозы (критические напряжения) и вызовы-возможности (сознательные) могут возникать в любой сфере. В этом плане эконом- и политоцентризм (К. Маркс, М. Вебер), географический детерминизм (традиция Ш.Л. де Монтескье, И.Г. Гердера, классической геополитики), технологический детерминизм (вновь К. Маркс, Т. Веблен, С. Паперт), идеализм и культуроцентризм (Платон, Г.В.Ф. Гегель, Г. Зиммель, Р. Коллингвуд, А. Кребер) — все имеют свои основания, но существенно ограничивают друг друга.

В социальных порядках сущностно неравновесными, чреватými вызовами являются *отношения власти* внутри обществ и могущества в геополитике, престиж и легитимность, *товарные рынки* и, тем более, *надстроечные рынки* (кредиты, страхование, инвестиции, финансы [Коллинз 2015: 305-309]).

26

В техноприродных порядках угрозами для стабильности обычно бывают эффекты перенаселения и депопуляции, факторы истощения, деградации среды, стихийные природные бедствия, в том числе эпидемии. Открытия нового привлекательного ресурса, доступа к нему (новых земель для эксплуатации, золота, руды, угля, нефти, газа, солнечной энергии) также приводят в движение всю фигурацию.

Ментальные порядки представляются самыми консервативными. Наиболее частые вызовы-угрозы — это действия, обычно являющиеся стихийными массовыми ответами на напряжения или сбои в социальной сфере. К таковым сбоям стоит отнести непослушание низовых страт или молодежи, снижение лояльности к вышестоящим, отказ от почитания символов, деградация требуемых способностей, компетенций, рост алкоголизма, наркомании, преступности и т.п. Следует также признать автономную динамику идей, но всегда вкупе с ее социальными носителями — религиозно-моралистическими, идеологическими движениями, кружками, организациями и творческими сетями (в социальном порядке) [Коллинз 2002; Джентиле 2021].

Структурные ответы всегда реализуются комплексно, т.е. включают процессы и элементы из всех трех порядков. Соответственно, взаимосвязанные *динамические стратегии* (с продвижениями от плацдарма к плацдарму) и самовозрастающие *мегатенденции “Лифт”*, двигающие политическую эволюцию по восходящему треку, действуют настолько эффективно, насколько удастся “приладить друг к другу” их социальные, ментальные и материальные компоненты в одной фигурации [Элиас 2001].

СМЕНА ФАКТОРОВ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПОРЯДКОВ

В начале человеческой истории, от бродячих групп охотников-собираателей и первых неолитических деревень до крупных империй, самым мощным

трендом был рост территорий и населения². Оба аспекта принадлежат *техно-природному порядку*, но порождают заботы сохранения внешней и внутренней безопасности, управления, доступа к отдаленным ресурсам и благам. Таковы уже геополитические, политические и экономические заботы, которые в логике коэволюции порядков приводили к складыванию структур организованного насилия, управленческим и сословным иерархиям, системам сбора, перераспределения ресурсов и благ, разным формам обмена.

Соответствующие отношения, организации, институты в *социальном порядке* могут функционировать, только когда позиции в этих структурах занимают люди с адекватными установками и габитусами, а значит, прошедшие через социализацию и инкультурацию в ритуальных практиках *ментального порядка*.

В аспекте политической эволюции наиболее значима способность межпоколенного воспроизводства формальных управленческих структур — главного преимущества первых государств над варварской периферией. Два других важнейших признака цивилизованных обществ — наличие у них письменности и городов. Целостности, приумножавшие свои территории и население (империи или федерации, лиги городов), распались, если не обрели эффективных и воспроизводящихся политических структур. Выжившие целостности соперничали между собой.

Таким образом, политическая эволюция осуществлялась вполне “по-дарвиновски” — через экспансию, изменения, складывание новых “приспособлений” — типов управленческих структур, поддержанных институтами социализации, инкультурации, а также через отбор [Кревельд, ван 2006; Мак-Нил 2008; Лахман 2020], происходящий, прежде всего, на арене военно-политического могущества.

Социальные порядки не только с необходимостью поддерживаются насилием (как правило, легитимным)³, но и сменяются всегда при явном или неявном участии организованного насилия. При каждой существенной смене социальных порядков, а значит политического устройства, правители и элиты рискуют потерять власть и соответствующие привилегии. Силловые структуры обычно призваны обеспечивать стабильность порядков, а вместе с ней (или даже в первую очередь, вполне согласно марксистским установкам) — положение и ресурсы высших слоев общества. Но при каких же условиях эти структуры благоприятствуют формированию перспективных ответов, динамических стратегий, соответствующих трансформациям социальных и ментальных порядков, либо даже активно включаются в эти процессы?

Первые переходы политической эволюции — от деревень к чифдомам, сложным чифдомам, ранним и затем зрелым государствам (империям) — не составляют проблемы, поскольку осуществлялись каждый раз именно в результате либо прямых завоеваний, либо военных союзов, как оборонительных, так и агрессивных. Иными словами, правители и элиты переходных эпох

² Малые государства выживали либо благодаря труднодоступной местности (как горы в Швейцарии, Афганистане, Тибете), либо заняв буферные позиции между крупными державами — тогдашними геополитическими хищниками (как Нидерланды и Бельгия, которых поддерживала Англия против Испании и Франции), либо в составе достаточно сильных культурных и экономических коалиций (прибрежные города Ганзы, германские малые государства до объединения их Пруссией).

³ Так, согласно Генриху Попитцу, социальный порядок является необходимой предпосылкой для сдерживания насилия, при этом само насилие необходимо для поддержания социального порядка [Popitz 1992].

получали и реализовывали свою власть военной силой, с той или иной долей религиозной легитимации [Карнейро 2006; Кревельд, ван 2006; Мак-Нил 2008]. Конфликты между державами и коалициями разрешались преимущественно войнами, результаты которых определялись прежде всего величинами армий и военных ресурсов.

С XV-XVI вв. в Западной Европе все большее значение стали обретать уровень экономического развития и дипломатия [Тилли 2009; Кревельд, ван 2006; Мак-Нил 2008: 149-168]. Соответственно, при прочих равных условиях выигрывали державы, конвертировавшие производственные мощности и богатства в военную силу, а также создававшие коалиции против своих грозных врагов (подъем Венеции и других итальянских городов-государств в XIV-XV вв.) [Parker 1988; Downing 1992].

Особенно существенное изменение эволюционного паттерна произошло, когда в Европе с XVII в. над феодальными королевствами, традиционными и довольно рыхлыми империями, лигами торговых городов стали одерживать верх абсолютистские монархии [Андерсон 2010]. Главным драйвером перехода остались те же войны, но для победы в них стало необходимым массовое производство огнестрельного оружия, что могла обеспечить только концентрация государствами организационных и фискальных структур, а также финансовых ресурсов.

Соответственно, стала быстро расти бюрократия, которая все больше отделялась от военного сословия⁴. Бюрократия развивалась как структура, обеспечивающая все новые и новые заботы управления усложняющимися социальными процессами, а также политические заботы контроля над индивидами, их ментальностями и ресурсами. Некоторые абсолютистские монархии, пусть с неизбежными изменениями порядков, доживали до начала XX в. и даже позже (Российская империя, Австро-Венгрия, Испания, императорская Япония).

Собственную динамику экспансии и надстраивания обрели *рынки* как отношения и институты, регулирующие специфически опосредованные обмены в социальных порядках. Бурное развитие рынков, особенно по мере совершенствования и распространения денежного обращения, а затем, в эпоху модернизации, банков и бирж, вело к новым заботам политического регулирования — установлению и поддержанию правил экономического поведения.

Политико-эволюционные переходы XVIII-XIX вв., главными вехами которых были “полицейские государства” [Филиппов 2012] и наполеоновские реформы (с которых брали пример очень многие), привели к развитию *сквозной государственности* с контролем над доходами, политическим поведением, а иногда и сознанием индивидов [Тилли 2009; Коллинз 2015: 267-274].

Относительно автономно развивались сферы морально-религиозных, социально-политических, философских, научных идей и культурное творчество (литература, искусство, музыка). Традиционно эти процессы ментального порядка рассматривались как происходящие в некоем отдельном платоновском мире идей. Современные концепции *интеллектуальных, творческих сетей*, результаты историко-социологических исследований религии, философии,

⁴ “Рождение подобного нового Левиафана — вероятно, наполовину непреднамеренное — было одним из важнейших достижений XVII в., сравнимым с рождением современной науки или иного исторического прорыва того времени” [Мак-Нил 2008: 158].

науки, искусства позволяют анализировать культурные достижения как специфические структуры, обеспечивающие духовные заботы индивидов и групп, которые обновляются в связи с идущими трансформациями социальных отношений и институтов (см., например, [Коллинз 2002]).

ПРИЧИНЫ И ДИНАМИКА ТУРБУЛЕНТНОСТИ В ЭПОХУ МОДЕРНИЗАЦИИ

В мировой истории последних пяти столетий особую значимость имеют эпохи, или периоды, турбулентности, объединяющие революционные волны и серии войн. Именно в такие периоды с наибольшей силой проявляется “созидательное разрушение” по Й. Шумпетеру, с последующим формированием комплексов динамических стратегий, мегатенденциями “Лифт” и подъемами на новые ступени политической эволюции.

Возникновение и рост турбулентности вполне закономерны в эпоху модернизации, поскольку быстрые перемены вызывают рост социальных напряжений, дисбалансы могущества, усиление вызовов-угроз и вызовов-возможностей, ответами на которые как раз и являются попытки военного решения международных конфликтов, попытки свержения власти и смены режима [Розов 2019]. В ходе модернизации связи между обществами усиливаются, большие социальные группы, особенно в растущих городах, получают больше возможностей для протестной мобилизации [Тилли 2009; Коллинз 2015: 51-77].

Практики военного решения проблем в этих условиях распространяются из-за стремлений сторон вовлечь союзников в коалиции. Войны ведут к новым войнам, поскольку победители и державы, берущие с них пример, получают геополитические и геоэкономические вызовы-возможности, которые им предоставляют ослабевшие, проигравшие или распавшиеся державы [Мак-Нил 2008; Malešević 2017].

Революции порождают новые революции через восполнение недостающих компонентов революционных ситуаций в соседних обществах: поставляют идеи социальных идеалов, примеры критики и делегитимации власти, образцы лидерства, организаций, мобилизации, способов борьбы, посылают эмиссаров и т.п. [Goldson, Grinin, Korotayev 2022].

Большие войны нередко ведут к *полемогенным революциям* из-за ослабления, делегитимации проигрывающих государств, появления консолидированных вооруженных сил с политическими вызовами-возможностями.

В обратном направлении революции в крупных государствах ведут к войнам: либо соседние державы вмешиваются для подавления или поддержки революций, либо сами постреволюционные режимы, движимые религией или идеологией, начинают экспансию (так называемые революционные войны). Также для революций в полиэтнических, колониальных империях обычно характерны сепаратистские (они же национально-освободительные) протесты, движения, мятежи, при определенных условиях перерастающие в войны.

Периоды турбулентности, особенно бурные, не могут продолжаться слишком долго (больше двух-трех десятков лет). Международные и гражданские войны прекращаются вследствие победы одной стороны (коалиции) или обоюдного истощения. Волны революций также угасают, прежде всего из-за “розжига тушителей”, когда в волну включаются “недозревшие” общества, в которых революционные попытки проваливаются. Эти провалы деморализуют прочих потенциальных участников волны, консолидируют национальные и международные силы реакции и реставраторства [ibid.: 241-264].

В аспекте глобальной политической эволюции периоды турбулентности в той или иной мере “расчищают пространство” для выигрыша обществ и коалиций с наиболее эффективными порядками, тогда как общества, которые не справились с внешними военными и/или внутренними революционными вызовами-угрозами либо распадаются, либо существенно обновляют свои порядки, обычно заимствуя образцы у лидеров.

Таким образом, периоды турбулентности ужесточают отбор наиболее эффективных фигураций – сочетаний социальных, ментальных и техно-природных порядков. В результате скорость политической эволюции в эпоху модернизации существенно возрастает.

РАЗВИТИЕ МИР-ЭКОНОМИК В ЭПОХУ МОДЕРНИЗАЦИИ И ИХ ВКЛАД В ПОЛИТИЧЕСКУЮ ЭВОЛЮЦИЮ

Начало процессов модернизации традиционно датируется 1500-м годом, в окрестностях которого располагались великие географические открытия, положившие начало европейской колонизации. Соответственно, росла плотность военно-политических, экономических и культурных связей.

Наряду с мир-империями и сложившимися вокруг них цивилизациями вырастали обширные, в том числе трансконтинентальные, геополитические альянсы и ойкумены, также мир-экономики, связывающие отдаленные общества товарными цепочками, а затем и более сложными экономическими отношениями. С одной стороны, новые миросистемы способствовали ускорению социальных трансформаций через диффузию новшеств, с другой стороны, меняли характер политической эволюции входящих в них обществ по принципу “извне-внутри” [Валлерстайн 2000; Тилли 2009; Коллинз 2015].

Влияние миросистем разного типа (мир-экономик, мир-империй, цивилизаций, геополитических ойкумен) на политическое развитие составляющих их обществ многообразно, изучено лишь фрагментарно и вряд ли допускает какую-либо обобщающую формулу. Вместе с тем следует зафиксировать следующие теоретические принципы, имеющие эвристическое значение для сравнительно-исторических исследований.

Занятие обществом определенной позиции в миросистеме (хартленда или завоеванной провинции в мир-империи, ядра, периферии или полупериферии в мир-экономике) всегда является результатом прошлых ответов общества на вызовы-угрозы и/или вызовы-возможности (см. выше).

Кроме того, позиция общества в миросистеме формирует тип его *политических отношений*, в том числе иерархий, соответственно, *типовые заботы правящих элит*, а также *ингредиенты, ресурсы и ограничивающие рамки* для социально-политических институтов, экономических практик, обеспечивающих эти заботы.

ДИВЕРГЕНЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ: ФАКТОРЫ И МЕХАНИЗМЫ

Общества со сквозной государственностью динамично менялись в широком спектре от военизированных автократий со слабыми парламентами (Пруссия-Германия, Российская империя после 1905 г.) до ограниченных монархий с сильными парламентами (Нидерланды, Великобритания, позже Швеция) и республиканских федераций (Швейцария, США). На протяжении XIX-XX вв. в общественном развитии со все большей определенностью

оформлялись два эволюционных вектора: сферы экономического и духовного производства, обменов в той или иной мере либо попадают под контроль государственной бюрократии и силовых структур (милитаристские, коммунистические и фашистские режимы), либо становятся автономными и защищенными от принуждения (таковы общества с порядками открытого доступа [Норт, Уоллес, Вайнгаст 2011]).

Правители и элиты всегда были озабочены контролем над умонастроениями подведомственного населения. Они с разной степенью эффективности использовали для этого институты церкви, образования, социальной информации, принуждения и насилия. При этом обретавшие субъектность социальные группы (дворянские группировки, “третье сословие”, пролетариат, офицерство, этнические меньшинства и проч.), вооруженные морально-религиозными и/или социальными идеями, порождали значимые вызовы-угрозы для сложившихся режимов, правителей, ответы которых и последующая конфликтная динамика мощно двигали политическую эволюцию.

Пути развития отдельных обществ определялись характером, ходом и итогами революций, как буржуазно-демократических, так и “социалистических”. В разнообразии и сложности этих социально-политических процессов выделим только аспект организованного насилия. *Величина полномочий парламента в постреволюционный период прямо зависела от уровня влияния буржуазии в победившей коалиции, а сама победа зависела от того, на чьей стороне в решающий период окажется критическая масса военной силы.*

Прослеживается обусловленность политической организации общества в *постреволюционный период* характером наиболее успешной военной организации, сложившейся в ходе революции.

Так, сильный парламент с расширяющимся избирательным правом (Нидерланды, Англия, США) или даже демократия прямого действия (Швейцария) образуются, если военная сила в революционный период складывается через ополчение и снабжается с опорой на местные коммерческие слои.

Альтернативный сценарий реализуется, если деморализованная и разобщенная по каким-то причинам армия уступает в гражданской войне или в политической борьбе сплоченной идеологической партии с той или иной “политической религией” [Джентиле 2021], монополюбно захватившей государственные ресурсы и опирающейся на распропагандированные низовые группы (“рабоче-крестьянские массы”, “штурмовые отряды”, “стражи” религиозного фундаментализма и т.п.). В этом случае, характерном для XX в., формируются авторитарные милитаристские, даже тоталитарные режимы.

Наконец, возможен путь, на котором общество переживает множественные социальные потрясения, кризисы и революции (Франция и Испания с конца XVIII в. до середины XX в., Мексика, Чили, Аргентина в XX в.). Это происходит в случае, если ни одной политической силе не удастся составить надежный альянс с армией, доминирующей в поле насилия, а силовые структуры расколоты и ориентированы на разные политические движения.

При любом векторе продолжался рост размеров, сложности и дороговизны силовых структур, особенно в крупных державах⁵.

⁵ “Европа вошла в самоусиливающийся цикл, где вооруженная сила пробивала дорогу экономической и политической экспансии, а колониальные приобретения, в свою очередь, позволяли создавать и содержать новые армии и флоты за счет других народов и стран мира” [Мак-Нил 2008: 168].

РОЛЬ ОРГАНИЗОВАННОГО НАСИЛИЯ В (ГЕО)ПОЛИТИКЕ И КОЭВОЛЮЦИИ ПОРЯДКОВ

Охранные отряды (гвардия), армия, полиция и спецслужбы всегда создавались и реформировались как структуры, обеспечивавшие заботы правителей и элит, гораздо реже – низовых сообществ. Поскольку все структуры образуются из имеющихся ингредиентов (наряду с тривиальными – материальными, людскими), здесь следует учитывать также те, что труднее выявляются и концептуализируются: привычные социальные отношения (вертикальные и горизонтальные), правила, образцы структур с терминологией, стандартами, заимствованными у соседей, из референтных обществ и т.д.

Универсальными являются заботы укрепления внешней безопасности, могущества, внутреннего мира с монополией на легитимное насилие, заботы пресечения сепаратизма и распада. Внешние завоевания и внутренние репрессии в настоящее время делегитимированы в моральном, политическом и правовом аспектах, но отнюдь не прекращаются, пусть и прикрытые эвфемизмами (“гуманитарные интервенции”, “принуждение к миру”, “защита порядка, образа жизни, стабильности” и т.п.).

Здесь нас интересуют глубинные источники соответствующих вызовов и забот, а также механизмы, посредством которых развивающиеся структуры организованного насилия и типы контроля над ними формируют те или иные направления политической эволюции.

Главными источниками вызовов и забот в геополитике являются сами войны, угрозы нападения извне и открывающиеся возможности разного рода приобретений посредством военных операций. Сложные и разнообразные причины войн – отдельная проблемная область (в ряду наиболее значимых разработчиков которой фигурируют Д. Коупланд, Гр. Алисон, С. Хантингтон, Р. Джервис, К. Уолтц, Дж. Леви, У. Томпсон, Дж. Модельски и др.; см. также: [Война и геополитика... 2003; Конышев 2004; Cashman 2014; Джервис 2022]).

Главными источниками вызовов и забот во внутренней политике являются угрозы мятежей, социальных революций, сепаратизма, а также организованная преступность. Сами мятежи и революции – это результаты упадка легитимности власти и режима, последующих неадекватных ответов на эти вызовы со стороны правителей и элит. В периоды кризиса прежних порядков, подъема групп и движений, прокламирующих новые социальные и политические идеи, силовые структуры в разных условиях либо блокируют сами себя, либо встают на сторону этих движений, либо раскалываются, что чревато гражданскими войнами [Goldstone, Grinin, Korotayev 2022; Лахман 2020: 282-286].

Войны и революции – большие предметные области, которые обычно рассматривались в политических науках по отдельности. Но все большее развитие получает идущая от М. Вебера и Г. Спенсера линия исследований глубинных связей между геополитикой и внутренней политикой [Тилли 2009; Коллинз 2015; Cashman 2014; Malešević 2017].

Внешнеполитические заботы обществ открытого доступа сдвинулись в XX в. от территориальных захватов – к защите торговых путей, экономических партнеров и союзников. Державы, в которых доминирование бюрократии и/или силовых структур тормозит технологический прогресс, конкурентное развитие бизнеса и не дает преимуществ на внешних рынках, в XXI в. сохраняют склонность укреплять престиж и внутреннюю легитимность через расширение политического влияния путем внешней экспансии.

ИЗДЕРЖКИ РОСТА СИЛОВЫХ СТРУКТУР И ЗАБОТЫ КОНТРОЛЯ НАД НИМИ

Универсальной эвристикой для понимания причин исторической динамики является накопление издержек от функционирования обеспечивающих структур и достижение критических уровней напряжений – вызовов-угроз, которые требуют ответов. Укажем здесь только на два главных типа издержек роста организованного насилия.

Во-первых, силовые структуры способны быстро расходовать материальные и людские ресурсы (особенно в войнах), они постоянно требуют пополнения. В условиях гонки вооружений (надежды на прекращение которой оказались призрачными) все больше финансовых и интеллектуальных ресурсов приходится тратить на технологическое развитие в этой сфере, что связано с ростом напряжений в других сферах (бюджетные дефициты, недовольство элит и населения неизбежным повышением налогов). Если же не пополнять растущие прорехи и отставать в современных вооружениях, то увеличиваются угрозы внешней агрессии и риски проигрыша в конфликтах [Parker 1988; Downing 1992; Мак-Нил 2008].

Во-вторых, лица, занимающие высшие позиции (военные или полицейские посты) в структурах насилия, нередко обретают свою субъектность, т.е. начинают осознавать собственные интересы. Для них подведомственный потенциал насилия становится *вызовом-возможностью*, прежде всего для достижения более высоких политических позиций (вплоть до захвата верховной власти) и личного обогащения (варианты силового отъема чужих благ, ресурсов, производительных мощностей, активов, финансовых потоков и проч.) [Malešević 2017; Манн 2018].

Таким образом, правители, властные элиты получают *производные заботы контроля своих структур насилия и их руководства*, для чего, в свою очередь, заимствуются, складываются соответствующие практики и структуры контроля: отчетность, прокурорские проверки, “чистки”, внутренние службы надзора, возможность для гражданских инспекций, поощрение доноительства, управляемые конфликты между силовыми ведомствами и т.п. Спорадически происходящие глубокие кризисы, перевороты, совершенные армейскими лидерами (порой с участием спецслужб и полиции), каждый раз указывают на слабость и провал таких структур контроля [Goldstone, Grinin, Korotayev 2022].

Колебания, связанные с ростом структур насилия, соответствующим ростом издержек и различиями в эффективности контроля, образуют драматические волны в судьбах империй и больших воинственных государств, нередко их распад и гибель. Но можно наблюдать и случаи достаточно долгого успешного развития (Британская империя XVII–XX вв., США с XVIII в., возможно, обновленный Китай в будущем).

Итак, опыт интеграции понятий, заимствованных из разных парадигмальных и концептуальных моделей, демонстрирует возможность описывать и объяснять в едином ключе механизмы коэволюции социального, ментального и техноприродного порядков. Сложность, многомерность и извилистость траекторий политической эволюции в мировой истории действительно требуют формирования инструментария изучения таких механизмов. В их числе – тесная взаимосвязь между эволюционными фазами, включая периоды возобновляющейся турбулентности в эпоху модернизации, – с сериями войн и революций, а также взаимосвязь политической дивергенции постреволюционных режимов с конфигурацией силовых структур, их включенностью в противостоящие коалиции. Предложенные конструкции имеют статус не столько

теорий, подлежащих эмпирической проверке, сколько каркаса для построения таких теорий, призванных раскрыть природу и динамику различных аспектов политической эволюции. Сами предложенные понятия являются “заготовками для хороших вопросов”, а связи между понятиями — подсказками для формулирования проверяемых гипотез при сопоставлении случаев политической трансформации отдельных обществ как фрагментов этой эволюции.

DOI: [10.17976/jpps/2023.06.03](https://doi.org/10.17976/jpps/2023.06.03)

MECHANISMS OF POLITICAL EVOLUTION, THE PATTERN OF TURBULENCE IN THE ERA OF MODERNIZATION, AND THE ROLE OF ORGANIZED VIOLENCE

N.S. Rozov^{1,2}

¹ *Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Novosibirsk, Russia*

² *Novosibirsk State Technical University. Novosibirsk, Russia*

ROZOV, Nikolai Sergeevich, Dr. Sci. (Philos.), Professor, Principal Researcher, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences; Professor at the Department of International Relations and Regional Studies, Novosibirsk State Technical University, email: nrozov@gmail.com

Rozov, N.S. (2023). Mechanisms of political evolution, the pattern of turbulence in the era of modernization, and the role of organized violence. *Polis. Political Studies*, 6, 21-36. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.06.03>

Received: 24.05.2023. Accepted: 23.08.2023

Abstract. Political evolution leads to, usually irreversible, transitions of societies to phases of development with more effective orders of social interaction in the spheres of power and prestige. Such orders allow societies to dominate their rivals which are in previous phases of development and/or serve as role models for them. Such were the transitions from wandering hunter-gatherer groups to barbarian chiefdoms, then to early states, mature states (empires, absolutist monarchies) and various types of modern societies with transversal statehood, among which there are both ascents to new stages and failures leading to preceding phases of development. A new way of integrating known and partly modified concepts of political sciences, macro-, meso- and micro-sociology, theory of evolution and social psychology is presented: figuration (N. Elias) as a combination of social order (D. North, etc.) with mental and techno-natural orders; relations, institutions and organizations (K. Marx, R. Merton, G. Simons, etc.); sources of power as social universals (M. Weber, M. Mann); challenges and responses (A. Toynbee); concerns, providing structures, costs and tensions (A. Stinchcombe); dynamic strategies and strategy complexes (Gr. Snooks); positive feedback in evolution processes (R. Alexander, K. Stringer, A.V. Korotayev); socialization and enculturation (M. Herskovits et al.); attitudes and habitus (W. Thomas, F. Znaniecki, D. Uzmadze, P. Bourdieu), rituals and symbols (E. Durkheim, W. Warner, E. Goffman, R. Collins). The general mechanism of the coevolution of orders and the regular emergence of periods of turbulence (with international wars and waves of revolutions) in the era of modernization are analyzed. The author also reflects on the key role of organized violence structures in choosing the vector of post-crisis development, including transitions to a new phase of political evolution.

Keywords: political evolution, social order, mental order, coevolution of orders, open-access orders, challenges and responses, dynamic strategies, organized violence, power structures, wars, revolutions, sociopolitical turbulence.

References

- Cashman, G. (2014). *What causes War? An introduction to theories of international conflict*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers.
- Collins, R. (2004). *Interaction ritual chains*. Princeton, NJ; Woodstock: Princeton University Press.
- Downing, B.M. (1992). *The military revolution and political change: origins of democracy and autocracy in early modern Europe*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Goldstone, J.A., Grinin, L., & Korotayev, A. (Ed.). (2022). *Handbook of revolutions in the 21st century. The new waves of revolutions, and the causes and effects of disruptive political change*. Springer.
- Latour, B. (2005). *Reassembling the social: an introduction to actor-network-theory*. Oxford: Oxford University Press.

- Malešević, S. (2017). The rise of organised brutality: a historical sociology of violence. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781316155332>
- Parker, G. (1988). The military revolution: military innovation and the rise in the West, 1500-1800. New York, NY: Cambridge University Press.
- Popitz, H. (1992). Phänomene der Macht. Tübingen: J.C.B. Mohr.
- Sanderson, S. (1999). Social transformations: a general theory of historical development. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers.
- Snooks, Gr. (1996). The dynamic society: exploring the sources of global change. London, New York: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203284889>
- Stinchcombe, A.L. (1987). Constructing social theories. Chicago: The University of Chicago Press.
- Anderson, P. (2010). Lineages of the absolutist state. (Russ. ed.: Anderson, P. Rodoslovnaya absolutistskogo gosudarstva. Moscow: Territoriya budushchego).
- Carneiro, R.L. (2006). A theory of the origin of the state. (Russ. ed.: Carneiro, R.L. Teoriya proiskhozhdeniya gosudarstva. In L.E. Grinin, D.M. Bondarenko, N.N. Kradin, & A.V. Korotaev (Ed.), *Ranee gosudarstvo, ego al'ternativy i analogi* (pp. 55-70). Volgograd: Uchitel').
- Collins, R. (2002). The sociology of philosophies. A global theory of intellectual change. (Russ. ed.: Collins, R. Sotsiologiya filosofii: global'naya teoriya intellektual'nogo izmeneniya. Novosibirsk: Sibirskii Khronograf).
- Collins, R. (2015). Macrohistory: essays in sociology of the long run. (Russ. ed.: Collins, R. Makroistoriya: ocherki sotsiologii bol'shoi dlitel'nosti. Moscow: URSS).
- Crevelde, M. van. (2006). The rise and decline of the state. (Russ. ed.: Crevelde, M. van. Rastsvet i upadok gosudarstva. Moscow: IRISEN).
- Dahl, R.A. (2010). Polyarchy: participation and opposition. (Russ. ed.: Dahl, R.A. Poliarkhiya: uchastie i oppozitsiya. Moscow: HSE Publishing House).
- Deleuze, G., & Guattari, F. (2010). Mille plateaux: Capitalisme et schizophrénie. (Russ. ed.: Deleuze, G., & Guattari, F. Kapitalizm i shizofreniya: Tsyacha plato. Moscow: Astrel').
- D'yakonov, I.M. (2007). Puti istorii. Ot drevneishego cheloveka do nashikh dnei [Paths of history. From ancient man to the present day]. Moscow: KomKniga. (In Russ.)
- Elias, N. (2001). Über den Prozeß der Zivilization: Soziogenetische und psychogenetische Untersuchungen. Band 1: Wandlungen des Verhaltens in den weltlichen Oberschichten des Abendlandes. (Russ. ed.: Elias, N. O protsesse tsivilizatsii. Sotsiogeneticheskie i psikhogeneticheskie issledovaniya. Vol. 1. Izmeneniya povedeniya v vysshikh svetskikh krugakh Zapada. Moscow, Saint Petersburg: Universitetskaya kniga).
- Filippov, A. (2012). The police state and general welfare. *Otechestvennyua Zapiski*, 2, 328-340. (In Russ.)
- Gentile, E. (2021). Le religioni della politica. Fra democrazie e totalitarismi. (Russ. ed.: Gentile, E. Politicheskie religii. Mezhdru demokratie i totalitarizmom. Saint Petersburg: Vladimir Dahl Publishers).
- Grinin, L.E., & Korotayev, A.V. (2007). Social macroevolution and historical process (to the statement of the problem). *Philosophy and Society*, 3, 5-48. (In Russ.)
- Jervis, R. (2022). The logic of images in international relations. (Russ. ed.: Jervis, R. Vospriyatie i nevernoe vospriyatie v mezhdunarodnoi politike. Moscow: Tsentralnaya strategii i tekhnologii).
- Johnson, A., & Earle, T. (2017). The evolution of human societies. From foraging groups to agrarian state. (Russ. ed.: Johnson, A., & Earle, T. Ehvolyutsiya chelovecheskikh obshchestv: ot dobyvayushchei obshchiny k agrarnomu gosudarstvu. Moscow: Gaidar Institute Publishing House).
- Konyshchev, V.N. (2004). Amerikanskii neorealizm o prirode voyny: ehvolyutsiya politicheskoi teorii [American neorealism on the nature of war: the evolution of political theory]. Saint Petersburg: Nauka. (In Russ.)
- Kroeber, A. (2004). Selected works: the nature of culture. (Russ. ed.: Kroeber, A. Izbrannoe: Priroda kul'tury. Moscow: ROSSPEN).
- Lachman, R. (2020). States and power. (Russ. ed.: Lachman, R. Gosudarstva i vlast'. Moscow: Delo RANEPa).
- Luhmann, N. (2007). Soziale Systeme. Grundriß einer allgemeinen Theorie. (Russ. ed.: Luhmann, N. Sotsial'nye sistemy. Ocherk obshchei teorii. Saint Petersburg: Nauka).
- Mann, M. (2018). Sources of Social Power. Vol. 1. A history of power from the beginning to AD 1760. (Russ. ed.: Mann, M. Istochniki sotsial'noi vlasti. Vol. 1. Istoriya vlasti ot istokov do 1760 goda. Moscow: Delo RANEPa).
- McNeill, W.H. (2008). The pursuit of power: technology, armed force, and society since A.D. 1000. (Russ. ed.: McNeill, W.H. V pogone za moshch'yu. Tekhnologiya, vooruzhennaya sila i obshchestvo v 11-20 vekakh. Moscow: Territoriya budushchego).
- Merton, R.K. (2006). Social theory and social structure. (Russ. ed.: Merton, R. Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura. Moscow: AST).
- North, D.C., Wallis, J.J., & Weingast, B.R. (2011). Violence and social orders. A conceptual framework for interpreting recorded human history. (Russ. ed.: North, D.C., Wallis, J.J., & Weingast, B.R. Nasilie i sotsial'nye poryadki. Kontseptual'nye ramki dlya interpretatsii pis'mennoi istorii chelovechestva. Moscow: Gaidar Institute Publishing House).

Rozov, N.S. (Ed.). (2003). Voina i geopolitika. 3-i vypusk Al'manakha "Vremya mira" [War and geopolitics. Vremya Mira. Issue 3]. Novosibirsk: Novosibirsk State University. (In Russ.)

Rozov, N.S. (2015). The theory of political regimes' transformation and nature of neopatrimonialism. *Polis. Political Studies*, 6, 157-172. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.06.15>

Rozov, N.S. (2019). Epochs of turbulence and ways to overcome them. *Politeia*, 1, 81-96. (In Russ.) <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2019-92-1-81-96>

Tilly, Ch. (2009). Coercion, capital, and European states, AD 990-1992. (Russ. ed.: Tilly, Ch. Prinuzhdenie, kapital i evropeiskie gosudarstva. 990-1992 gody. Moscow: Territoriya budushchego).

Wallerstein, I. (2000). World-systems analysis. (Russ. ed. Wallerstein, I. Mirosystemnyi analiz. In *Historical Macrosociology in the Twentieth Century. The Almanac for Modern Studies in Theoretical History, Macrosociology, Geopolitics, World-System and Civilization Analysis*. Issue 1. (pp. 105-123). Novosibirsk: Novosibirsk State University).

Литература на русском языке

Андерсон П. 2010. Родословная абсолютистского государства. М.: Территория будущего.

Валлерстайн И. 2000. Миросистемный анализ. *Историческая макросоциология в XX веке. 1-й выпуск Альманаха "Время мира"*. Под ред. Н.С. Розова. Новосибирск: НГУ. С. 105-123.

Война и геополитика. 3-й выпуск Альманаха "Время мира". 2003. Под ред. Н.С. Розова. Новосибирск: НГУ.

Гринин Л.Е., Коротаев А.В. 2007. Социальная макроэволюция и исторический процесс (к постановке проблемы). *Философия и общество*. № 3. С. 5-48. EDN: RNLGYD.

Даль Р.А. 2010. Полиархия: участие и оппозиция. М.: Издательский дом Государственного университета – Высшей школы экономики.

Делез Ж., Гваттари Ф. 2010. Капитализм и шизофрения: тысяча плато. М.: Астрель.

Джентиле Э. 2021. Политические религии. Между демократией и тоталитаризмом. СПб.: Издательство "Владимир Даль".

Джервис Р. 2022. Восприятие и неверное восприятие в международной политике. М.: Центр анализа стратегий и технологий.

Джонсон А., Эрл Т. 2017. Эволюция человеческих обществ: от добывающей общины к аграрному государству. М.: Издательство Института Гайдара.

Дьяконов И.М. 2007. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. М.: КомКнига.

Карнейро Р. 2006. Теория происхождения государства. *Раннее государство, его альтернативы и аналоги*. Под ред. Л.Е. Гринина, Д.М. Бондаренко, Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева. Волгоград: Учитель. С. 55-70.

Коллинз Р. 2002. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф.

Коллинз Р. 2015. Макроистория: очерки социологии большой длительности. М.: УРСС.

Коньшев В.Н. 2004. Американский неореализм о природе войны: эволюция политической теории. СПб.: Наука.

Кребер А.Л. 2004. Избранное: Природа культуры. М.: РОССПЭН.

Кревельд М., ван. 2006. Расцвет и упадок государства. М.: ИРИСЭН.

Лахман Р. 2020. Государства и власть. М.: Издательский дом "Дело" РАНХиГС.

Луман Н. 2007. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: Наука.

Мак-Нил У. 2008. В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI-XX веках. М.: Территория будущего.

Манн М. 2018. Источники социальной власти. Том 1. История власти от истоков до 1760 года н.э. М.: Издательский дом "Дело" РАНХиГС.

Мертон Р. 2006. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ.

Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. 2011. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Издательство Института Гайдара.

Розов Н.С. 2015. Теория трансформации политических режимов и природа неопатримониализма. *Polis. Политические исследования*. № 6. С. 157-172. <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.06.15>. EDN: UOHVAN.

Розов Н.С. 2019. Эпохи турбулентности и их преодоление. *Полития*. № 1. С. 81-96. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2019-92-1-81-96>. EDN: UKBTQV.

Тилли Ч. 2009. Принуждение, капитал и европейские государства. 990-1992 гг. М.: Территория будущего.

Филиппов А.Ф. 2012. Полицейское государство и всеобщее благо. К истории одной идеологии. Статья первая. *Отечественные записки*. № 2. С. 328-340. EDN: QYORIF.

Элиас Н. 2001. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Том 1. Изменения поведения в высших светских кругах Запада. М., СПб.: Университетская книга.